

Виктор Тарасевич

АНТИЧНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: РОЖДЕНИЕ ПОЛИСА-ГОСУДАРСТВА

Настоящая статья продолжает цикл публикаций об универсальной эволюции античной цивилизации, её субцивилизаций и посвящена рассмотрению противоречивых социально-экономических и политических процессов в афинском ареале Древней Греции во второй половине VIII – первой половине IV в. до н. э. Внимание акцентировано на характеристике важных этапов государствообразования в Афинах. Показано, что ускоренное развитие рыночных и товарно-денежных отношений в VII–VI вв. до н. э., катализированное, в том числе, великой колонизацией, умножает ряды неродовитых, но богатых ремесленников, торговцев, купцов, ростовщиков, фетов-должников, способствует вытеснению патриархального рабства классическим. Углубившийся разрыв между изменившейся и растущей экономической ролью указанных кластеров и их политическим бесправием, а также раскол эвпатридов на рыночников и традиционалистов стимулировал важные прогосударственные реформы, в том числе кодификацию обычного права, учреждение судов, начало образования административно-территориальных округов, не совпадающих с родовым территориальным делением. Показано, что разложение родового строя происходило при участии самой родовой знати, преследовавшей своекорыстные интересы, что привело к победе диакриев и зарождению государства. Проанализированы роль политической деятельности Солона в формировании Афинского государства, тирании Писистрата, реформ Клизфена – Перикла, способствовавших рождению полиса-государства. И если в подавляющем

Тарасевич Виктор Николаевич (viktarasevich@gmail.com), д-р экон. наук; Национальная металлургическая академия Украины (Днепр). ORCID iD-0000-0002-6997-0166

Цитирование. Тарасевич В. Н. Античная цивилизация: рождение полиса-государства. *Экономическая теория*. 2022. № 1. С. 5–25.

© В. Тарасевич, 2022

ISSN 1811-3133. *Экономическая теория*. 2022. № 1: 5–25

большинстве случаев политические режимы дрейфуют от демократии к авторитаризму и тоталитаризму, то в Афинах, напротив, доминирует демократизация. Сделан вывод, что именно с реформами Перикла в Афинах завершается формирование демократического строя в его классической форме.

Ключевые слова: античная цивилизация, афинский ареал, этапы государствообразования, кланово-олигархическая властная группа, тирания, полисная демократия, полис-государство, государственная форма присвоения.

ANTIQUE CIVILIZATION: THE BIRTH OF A POLIS STATE

Viktor Tarasevych (viktarasevich@gmail.com) Doctor of Economics, Professor, Chair of Department of International Economics, Political Economy and Governance Ukrainian State University of Science and Technology (Dnipro). ORCID ID 0000-0002-6997-0166

This article continues the series of publications on the universum evolution of ancient civilization and its subcivilizations and is devoted to the consideration of controversial socio-economic and political processes in the Athenian area of Ancient Greece in the second half of the 8th – the first half of the 4th century bc. Attention is focused on the characteristics of the important stages of state formation in Athens. It is shown that the accelerated development of market and commodity-money relations in the 7th – 6th centuries BC? catalyzed, among other things, by the great colonization, multiplies the ranks of humble, but rich artisans, merchants, usurers, and thetes debtors, and contributes to the displacement of patriarchal slavery by the classical one. The deepening gap between the changed and growing economic role of the above clusters and their political lack of rights, as well as the split of Eupatrides into marketers and traditionalists, stimulated important pro-state reforms, including the codification of customary law, the establishment of courts, and the beginning of the formation of administrative-territorial districts not coinciding with the tribal territorial division. It is shown that the decomposition of the tribal system took place with the participation of the tribal nobility itself, who pursued selfish interests, which led to the victory of the diacrii and the emergence of the state. The author analyzes the role of Solon's political activities in the formation of the Athenian state, the tyranny of Peisistratus, the reforms of Cleisthenes-Pericles, which contributed to the birth of the polis-state. And while in the overwhelming majority of cases political regimes drift from democracy to authoritarianism and totalitarianism, then in Athens, on the contrary, democratization dominates. It is

concluded that it is with the reforms of Pericles in Athens that the formation of a democratic system in its classical form is completed.

Key words: ancient civilization, Athenian area, stages of state formation, clan-oligarchic power group, tyranny, polis democracy, polis-state, state form of appropriation.

Вводные замечания

Универсальные сдвиги "тёмных веков" во многом определили содержание и характер последующей *четырёхсотлетней эволюции* Древней Греции (вторая половина VIII – первая половина IV века до н. э.). Основные *исторические процессы* этого периода хорошо известны: синойкизм, "великая колонизация", возвышение Афин и Спарты и возглавляемых ими союзов, греко-персидская и пелопоннесская войны, расцвет и кризис полисной системы, апогей культуры, рождение монархии Александра Македонского и эпохи эллинизма. Из исторической литературы известны и наиболее значимые, агрегированные *движущие силы и причины* происходившего – экспансия железа и соответствующее развитие всех элементов производительных сил, ремесла и торговли; растущие потребности в средствах производства, прежде всего сырье, и предметах потребления, особенно в хлебе; демографический бум и соответствующий дефицит свободных земель; борьба родовых и постродовых порядков, различных социальных кластеров; стремление к обогащению, в том числе путем военных завоеваний и грабежа; личные, клановые и корпоративные властные амбиции.

Указанные *причины универсально-уникальны* в том смысле, что имеют прямое и/или косвенное отношение ко всем упомянутым процессам, но в каждом из них играют особую, более или менее значимую роль. Например, *синойкизм*, как специфическая древнегреческая разновидность централизации, детерминирован прежде всего борьбой родовой знати за землю и более высокое положение во властно-аристократической иерархии. Далее. Изначально западный вектор "великой колонизации" дорийцами, халкидянами и ахейцами побережий Италии и Сицилии был вызван потребностью в *дефицитных видах сырья*, прежде всего в металле (*История Европы...*, 1988. С. 230). *Торговля* стала "модератором" колонизации эолийцами о. Лесбос и Эолиды в Малой Азии, ионийцами – большей части островов Эгейского моря и средней части западного побережья Малой Азии, дорийцами – южной части побережья Малой

Азии. Экспансия на северо-восток, к берегам Чёрного и Азовского морей преследовала цели не столько торговые, сколько *освоения плодородных земель*. Разумеется, попытка выстроить причины того или иного процесса "по ранжиру" значимости, определить взаимосвязи между ними заслуживают пристального внимания. Но в экономико-теоретической по характеру статье уместно акцентировать *эндогенные социально-экономические причины глубинного порядка с учётом их универсального контекста*.

В связи с этим необходимо учитывать относящийся к рассматриваемому периоду *пассионарный подъём* родившегося и взрослеющего *эллинского этноса*. Высочайшая пассионарная энергия (в сравнении с таковой на иных этапах цикла жизни этноса) посредством уно-институционального механизма трансформируется в общественную и таким образом способствует ускорению, интенсификации эндогенных экономических, политических, социальных и духовных процессов. Обратим внимание на *особенности коэволюции своения и стейтогенеза* (государствообразования) с учётом изменений в социально-кластерной структуре в двух *субцивилизационных ареалах* Древней Греции – афинском и спартанском. Начнём с Афин, которые выступили в авангарде кардинальных реформ.

Начало государствообразования

Описанный в исторической литературе синойкизм по форме весьма схож с племенной и союзно-племенной централизацией восточных и Крито-Микенских унобров. Уже к концу VIII века до н. э. Афины из обычного поселения превращаются в *государствоформирующий полис* (ГФП) во главе с коллегией выборных архонтов (правителей, высших должностных лиц) из числа глав родов и представителей высшей родовой знати объединившихся фратрий (совокупности нескольких родов) и фил (родовых объединений, общин). Следовательно, властная группа такого полиса (*ВГГФП*) изначально была организована по кланово-родовому принципу и олицетворяла *олигархию* – власть немногих. В силу выборности архонтов роль лично-родового начала сохранялась, а образование ареопага привнесло во ВГ начало персонально-родовое. Родовая знать господствовала и прежде, но в VIII – VI веках на фоне существенных сдвигов в системе своения и в социальной структуре по-

полиса сохранять, а тем более наращивать, это господство становилось всё сложнее.

Во-первых, коренным образом изменилось положение *ремесленников*. Из некогда бездомных и странствующих мастеров они превратились в достаточно развитые оседлые корпорации, занимавшие целые полисные кварталы. Их прошлая исключённость из системы родовых и соответствующих протоинституциональных связей с общинами в новых условиях способствовала укреплению их экономической независимости. Наиболее успешные из них по уровню денежного и имущественного богатства не уступают эвпатридам (аристократам), но, оставаясь метеками (переселенцами, иностранцами), не обладают равными правами с эвпатридами и крестьянами. Конечно, такая политическая дискриминация не могла их удовлетворять.

Во-вторых, "великая колонизация" катализировала не только ремесленную, но и торговую деятельность. Подобно ремесленникам, *торговцы, купцы, неродовитые ростовщики* объединяются в своеобразные корпорации, занимают не только портовые, но и полисные кварталы, быстро наращивают доходы и богатство, проявляют растущее недовольство политической дискриминацией.

В-третьих, усиливается дифференциация *эвпатридов*. Наиболее активные из них преуспевают в торговле, ростовщичестве, закабалении свободных крестьян и посредством использования возрастающих ресурсов и доходов пытаются вытеснить менее успешных визави с ключевых властных позиций.

В-четвёртых, заметно увеличивается количество *фетов* – должников и издольщиков. Экспансия товарно-денежного обращения сыграла с ними злую шутку. Если в старые добрые времена абсолютного доминирования натурального хозяйства заимствование зерна и/или других продуктов у эвпатрида или более состоятельного крестьянина не сопровождалось серьёзными осложнениями – имея излишки, но не имея возможности их продажи, они были заинтересованы давать их в долг на весьма выгодных для заёмщика условиях, то указанная экспансия существенно трансформировала "кредитные" протоинституты в направлении монетизации и роста ссудного процента. Но основная масса крестьян-заёмщиков была не готова к такой трансформации и оказалась на грани разорения.

В-пятых, на смену патриархальному рабству приходит классическое. Эксплуатация *бесправных рабов* известным образом объединяет их собственников – представителей разных социальных кластеров. Перед лицом общего врага они вынуждены тем или иным способом вырабатывать общую по отношению к нему позицию.

Разумеется, важнейшей детерминантой жизнедеятельности и интересов представителей разных социальных кластеров, содержания и характера их взаимодействий оставались *отношения своего*, которые эволюционировали вместе с унобрами. Прежде всего, речь идёт об экзоприсвоении *земли*, продуктов и доходов с неё, а также соответствующих средств производства. Образованная (и обновляемая) в результате синойкизма полисная община, в отличие от своей предшественницы, сохранила за собой лишь некоторые элементы КИ экзоприсвоения *неделимой* земли. Например, она оставалась гарантом запрета на передачу участков земли чужакам-иностранцам. Получаемые от Лаврийских серебряных рудников доходы делились между членами полиса (Сергеев, 1963. С. 219). Однако львиная доля указанных элементов "обрела" *властно-собственнический* характер.

Поскольку к концу VIII века до н. э. ВГГФП представляла собой совокупность глав родовых кланов (коллегия архонтов) и родовитых персон (ареопаг), то не могла быть никем иным, как актором *лично-персонального кланово-кланово-коллективного (ЛПКлКлК)* экзоприсвоения неделимой земли и соответствующих средств производства, продуктов и доходов¹. Поскольку же архонты приглашали на народное собрание только угодных мужей (Сергеев, 1963. С. 169), постольку именно под "начало" ВГГФП перешла значительная часть подэлементов распоряжения, владения, получения доходов, управления, которые ранее относились к КИ экзоприсвоению.

Нетрудно догадаться, что по поводу распределения и перераспределения указанных подэлементов между членами ВГГФП шла непрерывная борьба, внешними признаками которой были перманентные изменения в положении, роли и полномочиях членов ВГ. Ключевые мотивы их властно-собственнической активности становятся вполне понятны, если учесть, что каждый эвпатрид уже являлся актором ККл(С)Чэ экзоприсвоения родовой земли, а пото-

¹ В дальнейшем, если не будет оговорено специально, под экзоприсвоением земли будет подразумеваться также экзоприсвоение соответствующих средств производства, продуктов и доходов.

му стремился умножить объекты такового посредством использования своего положения во ВГГФП. В частности, речь идёт о "переливе" части доходов из ЛПКлКлК в ККл(С)Чэ экзоприсвоение. Не исключено, что подобная судьба постигала и часть неделимых земель, особенно в черте полиса².

Очевидно, упомянутые "бои" между эвпатридами отнюдь не мешали им объединять усилия по фактическому захвату земель у крестьян – середняков и бедняков. *Формально* оставаясь в ККл(С)Чт распоряжении бедняка-заёмщика, его клер (земельный надел) *фактически* оказывался в ККл(С)Чэ частичном распоряжении и владении эвпатрида-кредитора, поскольку именно этот последний определял порядок хозяйственного использования участка и получал с него львиную долю доходов. В VI веке до н. э. долговые столбы уже стояли если и не на большинстве, то на очень многих крестьянских клерах. Сделки самозаклада крестьян стали массовыми, что означало фактическое превращение должника в объект ККл(С)Чэ экзосвоения заимодавца с весьма вероятной перспективой рабства. Практически никто из крестьян не был застрахован от попадания в долговую кабалу.

Массовый перелив элементов экзосвоения земли из ККл(С)Чт в ККл(С)Чэ экзоприсвоение привёл к обострению противостояния фетов и эвпатридов. Своё возмущение феты считали тем более оправданным, что существовавшие *протоинституты экзоприсвоения* земли отнюдь не санкционировали фактическую утрату клеров (земельных наделов), а действия властвующих эвпатридов опирались на их (протоинститутов) произвольное (от существительного "произвол", то есть беззаконие) толкование. Последнее стало возможным вследствие перевода (тем или иным образом, в той или иной форме) из КИ в ЛПКлКлК эндоприсвоение протоинститутов фратрий и фил, входящих в полисную общину, в процессе синойкизма.

Таким образом, в VI веке до н. э. значительно *обострились противоречия* между крупными и мелкими земельными собственниками, ВГГФП и демосом, ККл(С)Чэ и ККл(С)Чт экзоприсвоением земли, ЛПКлКлК и КИ эндоприсвоением протоинститутов. Их толерантному разрешению отнюдь не способствовало появление новых

² В условиях протоинституционального и формального запрета на подобные операции, последние могли осуществляться нелегально, теневым образом.

"зон напряжения". Речь идёт о значительном росте экономической значимости и влияния *социальных кластеров ремесленников, торговцев и ростовщиков*, которые олицетворяли новые постро- довые экономические порядки, товарно-денежные и рыночные от- ношения. Не будучи в своей основной массе членами полисной общины, они не являлись собственниками земельных участков, в том числе в пределах полиса, и, следовательно, были вынужде- ны арендовать их, выплачивая в казну полиса солидную арендную плату. Кроме того, с них взимались налоги, более высокие, чем с членов полисной общины, а также разного рода литургии (повин- ность богатых на общественные нужды). В то же время они не бы- ли представлены ни в народном собрании, ни во ВГГФП.

В *основе* таким образом углублявшегося *разрыва* между рас- тущей экономической ролью и политическим бесправием указан- ных кластеров, противоречий между ними и членами общины, пре- жде всего эвпатридами, лежали, *во-первых*, редистрибутивный пе- релив значительной части доходов из ККл(С)Чт и ККл(С)Чэ экзо- присвоения членов упомянутых кластеров в ЛПКлКлК экзоприсвое- ние ВГГФП с последующим перераспределением части этих дохо- дов между её членами; *во-вторых*, *невключённость* мезопротоин- ституты кластеров в систему протоинституты, упорядочивающих жизнедеятельность полиса, а представителей кластеров – в состав акторов КИ и ЛПКлКлК эндоприсвоения указанной системы пртоин- ституты. И первое, и второе обстоятельства отнюдь не способст- вовали эквивалентности торговли между ремесленниками и кре- стьянами, ремесленниками и эвпатридами, а также лояльному от- ношению ростовщиков к должникам и наоборот. Итак, объективно большинство ремесленников, торговцев и ростовщиков было заин- тересовано в кардинальном реформировании сложившейся поли- тической системы, сломе родовых экономических отношений, пре- жде всего, в переделе земли. В этом они были солидарны с бед- нейшим крестьянством.

Как известно, в кластере эвпатридов уже в VII в. до н. э. обо- значились относительно небольшие *группы сторонников реформ*. Их активность существенно возросла во второй половине VII в. до н. э. Нужно понимать, что такая прореформаторская активность диктовалась не столько альтруистическими соображениями и со- чувствием демосу, сколько вполне определёнными экономически- ми интересами. Значительную часть указанной группы составляли

эвпатриды, которые к этому времени уже стали достаточно успешными акторами товарно-денежных и рыночных отношений, включили в состав объектов своего ККл(С)Чэ экзоприсвоения ремесленные мастерские, торговые лавки, морские суда, ломбарды и/или добились перелива части элементов и подэлементов экзоприсвоения указанных объектов из ККл(С)Чт (ККл(С)Чэ) экзоприсвоения ремесленниками, торговцами, ростовщиками в своё ККл(С)Чэ экзоприсвоение³. Разумеется, эвпатриды-"рыночники" были заинтересованы в соответствующих их новым экономическим интересам решениях ВГГФП, а потому требовали расширения состава и народного собрания, и ВГ.

К реформам подталкивал и вызванный успехами "великой колонизации" рост числа *рабов* и их экономической значимости. Патриархальное рабство уступало позиции *классическому*, и протоинститутов упорядочивания первого было недостаточно для упорядочивания последнего. Практически все эвпатриды и значительная часть состоятельных крестьян, ремесленников и торговцев стали классическими рабовладельцами, что неизбежно должно было найти отражение на институциональном и политическом уровне.

Это верно и в более широком контексте. Существенные сдвиги VII века до н. э. в системе своения и социальной структуре полиса, экспансия товарно-денежных и рыночных отношений во многом не отвечали сложившейся в предшествующий период системе протоинститутов, а потому требовали соответствующей *трансформации* указанной системы и *формирования адекватных собственно институтов*. Несмотря на противодействие эвпатридов-"традиционалистов" в VII веке до н. э. происходят первые заметные политико-институциональные перемены.

Речь идёт, *во-первых*, о кодификации обычного права в Афинах, которое, кстати, следовало за таковой в некоторых колониальных полисах. Появление законов Драконта и соответствующих судов, с одной стороны, ограничивало протоинституциональный произвол эвпатридов и в этом смысле соответствовало интересам полиса как целого (Сергеев, 1963. С. 145), усиливало позиции КИ эндоприсвоения протоинститутов в сравнении с ЛПКлКлК эндоприсвоением. С другой стороны, ограничение возможностей того или иного толкования протоинститутов (в зависимости от обстоя-

³ Например, эвпатриды могли получать от ремесленников, торговцев и ростовщиков определённую мзду за те или иные властные "услуги".

тельств) вынуждало ВГГФП осваивать *формирование собственно институтов*. Естественно, между её членами разворачивается борьба и за право такого формирования, и за применение собственно институтов. *Судебный инфорсмент* исполнения законов должен был быть дополнен *полицейским*, что означало начало создания органов власти, отличных от традиционных родовых.

Во-вторых, были образованы не совпадающие с родовым территориальным делением *административно-территориальные округа*, с соответствующими органами для сбора средств на постройку судов. Вероятно, этот акт отвечал не только интересам полиса как целого. Члены ВГГФП были заинтересованы в переливе части редистрибутивно перераспределяемых в ЛПКлКлК экзосвое-ние доходов в своё ККл(С)Чэ экзосвоеение. Конкретными формами такого перелива могло быть направление заказов на постройку судов тем ремесленным мастерским, которые находились в ККл(С)Чэ экзосвоеении эвпатридов, или в той или иной форме контролировались ими, закупка необходимых материалов у торговцев, аффилированных с эвпатридами и т.д. В любом случае очевидно *разложение родового строя самой родовой знатью*, движимой своекорыстными интересами. Очевидно и то, что начало такого разложения взаимосвязано с *зарождением государства*, ибо укрепление частного компонента экзоприсвоения, кодификация права, суды, становление полицейских сил, первые опыты административно-территориального деления и единого налога суть не что иное, как имманентные ему (государству) элементы и свойства.

Реформы Солона и тирания Писистрата

Реформаторская деятельность Солона явилась прямым следствием обострения упомянутых выше противоречий. В какой мере реформы способствовали поиску адекватных форм их смягчения, разрешения и движения? С точки зрения императивного и невиданного ранее масштабного формирования и введения в действие экономико-социально-политических собственно институтов, а также трансформации соответствующих протоинститутов реформы представляют собой *государственный акт*, а Солон предстаёт архонтом-государственником⁴. Но означает ли это, что государство-

⁴ Как известно, с позиций институциональной теории именно масштабная и результативная институциональная деятельность центральной власти отличает государство от догосударственных образований.

формирующий полис превратился в государственный, а ВГ – в орган государственной власти?

Любые реформы, с одной стороны, институционализируют и легитимизируют реальные изменения, то есть ситуации "де-факто" придают статус "де-юре"; с другой стороны, снимают препятствия на пути назревших перемен и направляют их в нужное реформаторам русло; а с третьей, не являются исчерпывающими и в обязательном порядке успешными. Это верно и для реформ Солона. Рассмотрим этот пункт подробнее.

Введение *имущественного ценза* и наделение многих метек-ремесленников правами *гражданства* институционализировало реальное имущественное расслоение полисной общины и возросшую экономическую значимость ремесленников и торговцев. Изначально предполагалось сохранить властные позиции *эвпатридов* с учётом "пятисотмерности" доходов их большинства, одновременно частично удовлетворить политические амбиции богатейших ремесленников и таким образом сформировать политический *союз акторов* крупного ККл(С)Чэ экзоприсвоения земли и других средств производства. Но это означало неизбежное дополнение кланового компонента ВГ компонентом *корпоративным* и преобразование ЛПКлКлК властно-собственнического своения соответствующих (упоминавшихся ранее) средств, результатов производства и институтов в *лично-персональное кланово-корпоративно-коллективное* (ЛПКлКрК) со всеми вытекающими последствиями. Достаточно быстро обнаружилось, что начало реформ во все не гарантирует их безболезненное проведение и успешный результат.

Во-первых, заметно усилилось противодействие указанному реформаторскому шагу со стороны *эвпатридов-"традиционалистов"*, объекты и результаты ККл(С)Чэ экзоприсвоения которых были уже неконкурентоспособны и не обеспечивали им (эвпатридам) достойного положения в имущественной иерархии. Кроме того, они не могли мириться с утерей ведущих позиций во ВГ вследствие "разбавления" её неродовитыми "выскачками".

Во-вторых, уравнивание в политических правах "*новых*" *эвпатридов и неродовитых богачей-ремесленников*, возможное широкое представительство последних во ВГ усиливало их (эвпатридов и неродовитых) солидарные позиции в части "продвижения" и реализации сходных экономических интересов, но отнюдь не смяг-

чало их конкуренцию за а) ограниченные объекты ККл(С)Чэ экзоприсвоения; б) не менее ограниченные возможности, предоставляемые участием в ЛПКлКрК своиим доходов и институтов. Как видим, ВГ становится ещё более противоречивым образованием, ибо представляет *сферу борьбы* между собой "новых" эвпатридов, эвпатридов-"традиционалистов", неродовитых богачей.

Упорство противодействию Солону со стороны эвпатридов-"традиционалистов" придала реформа *долгового права*. Вследствие "обнуления" всех крестьянских долгов и процентов по ним, запрета сделок самозаклада эвпатриды рисковали лишиться значительной части объектов своего ККл(С)Чэ экзоприсвоения. Речь идёт о прекращении закрепления за ККл(С)Чэ экзоприсвоением эвпатридов элементов распоряжения львиной долей доходов фетов и фактического владения их землей (эти элементы возвращались в ККл(С)Чт экзоприсвоение фетов), а также потере ощутимых доходов от продажи "самозаложенных" фетов. Всё это существенно *ослабляло позиции* эвпатридов-"традиционалистов" во ВГ.

Хотя бы частично купировать неприятие вышеуказанных реформ эвпатридами был призван *закон о завещаниях*, который предоставлял право каждому передавать свой клер и имущество по завещанию тому, кому он считает нужным (Сергеев, 1963. С. 175). По сути это означало, что ключевые элементы экзоприсвоения земли родом – распоряжение и защита от отчуждения чужими, – передавались из КИ в ККл(С)Ч форму. Следовательно, коллективный компонент последней, ранее предоставлявший широкие распорядительные полномочия роду, теряет прежнюю значимость, и ККл(С)Ч экзоприсвоение земли начинает трансформироваться в *кланово-семейно-частную* форму (Кл(С)Ч). Разумеется, *состоятельные эвпатриды и неродовитые богачи* – новые граждане получили возможность на законных основаниях умножать свои земельные владения за счёт крестьянских и в значительной степени эмансипироваться от своего рода, ибо не только перед крестьянами, но и перед ними самими открывалась реальная перспектива укрепиться в качестве акторов нового Кл(С)Чэ экзоприсвоения.

Однако перестройка земельных отношений в соответствии с законом о завещаниях была далека от "манны небесной". *Во-первых, запрещалось приобретать землю выше определённой нормы*, то есть вводилось прямое ограничение на размеры земельных участков, экзоприсваиваемых Кл(С)Чэ образом. Следова-

тельно, возросшие возможности овладения землей "новыми" эвпатридами и неродовитыми богачами не могли быть реализованы в желаемой ими степени⁵. *Во-вторых*, перед последними оказывались во многом беззащитными⁶ и небогатые эвпатриды-"традиционалисты". Они сталкивались с реальной угрозой вынужденной продажи земли, а социальный кластер эвпатридов – из-за появления в его составе "деклассированных" элементов – с перспективой *снижения политического "веса" кластера в целом*. Вполне понятно, что уже первые опыты реализации закона о завещаниях и ограничений на размеры землевладений отнюдь *не смягчили противоречия* в "треугольнике" ""новые" эвпатриды – эвпатриды-"традиционалисты" – неродовитые богачи".

Новыми противоречиями было чревато и реформаторское изменение социально-экономического и политического положения *крестьян*. *С одной стороны, во-первых*, все крестьяне становились реальными участниками экклесии (народных собраний, высшего органа власти), зевгиты (третье имущественное сословие, могло избираться на низшие должности) получили право избираться в совет четырёхсот, а феты – судьями суда присяжных (*История Европы...* 1988. С. 247–248; *Сергеев*, 1963. С. 177). Иными словами, повышался их статус в КИ своении соответствующих объектов, в том числе институтов. *Во-вторых*, отмена долгового бремени и сделок самозаклада вкупе с законом о завещаниях позволяла им "с чистого листа" (без долгов) и без оглядки на родовые протоинституты начать реализацию новых прав Кл(С)Ч экзоприсвоения своего клера и доходов с него, стать полноправными *личными собственниками* своих СЧСоч, не опасаясь быть проданными в рабство. Как видим, по замыслу реформ, сфера крестьянского Кл(С)Чт экзоприсвоения и личного эндоприсвоения заметно расширялась.

С другой стороны, указанные возможности сопровождались новыми вызовами. *Во-первых*, участие зевгитов и фетов в экклесии, совете четырёхсот и суде присяжных в известной степени подчёркивало их бесправие в сравнении с "пятисотмерниками" и

⁵ В VI – V вв. до н. э. Аттика оставалась по преимуществу страной среднего и мелкого землевладения, в которой даже самые богатые рабовладельческие хозяйства не превышали по площади нескольких десятков гектаров (*Сергеев*, 1963. С. 175).

⁶ В том числе и по причине утери защиты рода от экзотчуждения земли.

всадниками⁷, что противоречило родовым протоинститутам равенства и меритократии. Как это ни парадоксально, но фетам становились гораздо ближе призывавшие возвратиться к старым добрым временам эвпатриды-"традиционалисты", чем "новые" эвпатриды и неродовитые богачи. *Во-вторых*, "обнуление" долгов само по себе не устраняло причин их накопления. Поскольку же причины сохранялись, постольку банкротство многих фетов лишь отсрочивалось и в соответствии с новым порядком должно было завершиться продажей клеров и обезземеливанием с призрачными надеждами на поддержку рода и выигрыш в конкуренции с рабами за право работать в хозяйстве крупного землевладельца. Совершенно очевидно, что в таком случае противоречия между фетами и более богатыми зевгитами, всадниками и "пятисотмерниками" неизбежно должны были обостриться, ибо именно представители указанных имущественных классов лишали фетов статуса акторов Кл(С)Чт экзоприсвоения клеров.

В-третьих, Солон отказался от *передела земли* в соответствии со старыми протоинститутами и с учётом демографического расширения и неизбежного "измельчания" клеров, что не могла купировать даже успешная "великая колонизация". Жертвами нарастающего земельного "голода" становились прежде всего феты, беднейшие ремесленники и торговцы, а потому их противостояние с крупными земельными собственниками неизбежно обострялось. *В-четвёртых*, с успехами "великой колонизации" в состав объектов Кл(С)Чэ экзоприсвоения членов трёх высших имущественных классов входит всё большее количество *рабов*, начинается интенсивное вытеснение последними фетов – арендаторов-издольщиков и свободных наёмных работников – обезземеленных фетов из личных сфер занятости (Илюшечкин, 1990. С. 177–179). Сходная ситуация складывается и в ремесле. Это означает, с одной стороны, сближение позиций свободных бедняков, бедных метеков и рабов в их противостоянии богатым, а с другой – обострение конкуренции между свободными бедняками, метеками и рабами в борьбе за выживание.

⁷ Например, только из имущественного класса "пятисотмерников" могли избираться архонты (История Европы... 1988. С. 247), которые играли ключевую роль в собственно институциональной (законотворческой) деятельности.

В условиях углубления противоречий между социальными кластерами и в самих кластерах, расширения внешней экспансии неизбежно возрастала политическая значимость реформирования центральной власти, призванной обеспечить устойчивое развитие полиса как целого, идентификацию и реализацию общеполисных интересов, согласование мезоинститутов разных кластеров. Такое реформирование не могло не отвечать *императивам государствообразования*. Именно с этих позиций следует оценивать, *во-первых*, введение имущественного ценза, открывшего шлюзы для экспансии частной собственности, а ВГ-пу – для неродовитых частных собственников; *во-вторых*, определённую политическую демократизацию за счёт расширения состава и полномочий эклессии, создания совета четырёхсот и суда присяжных; *в-третьих*, первые шаги к выделению ветвей власти. Однако указанные меры оказались недостаточными для преодоления олигархическо-аристократического характера ВГ. Родовитые архонты и ареопаг сохранили за собой верховную законодательную, судебную и исполнительную власть, и Солоновы реформаторские "вкрапления" не могли изменить её природу, по крайней мере, в кратко- и среднесрочном периоде. Содержание и характер ВГ по-прежнему не отвечал новым реалиям, а потому она не смогла ни адекватно выразить общеполисные интересы, ни обеспечить *баланс* интересов ведущих социальных кластеров. В острой политической борьбе эвпатридов, поддерживаемых педиями (благородные земледельцы, поддерживали власть олигархов), паралиев (среднее сословие, торговцы, мореходы, сторонники умеренных законов) и диакриев (жители гор, самые бедные, стремились к равноправию – демократии) победу одержали выражавшие интересы многочисленной бедноты наиболее радикальные диакрии во главе с Писистратом.

Тирания – отнюдь не изобретение Писистрата. Это феномен общегреческий, и его *явные* признаки хорошо известны: узурпация и режим личной власти, династические амбиции, лавирование между интересами социальных страт, политика пряника и кнута по отношению к демосу. В *цивилизационно-эволюционном* контексте тирания представляет собой относительно непродолжительную (несколько десятилетий) часть переходного периода от аристократической догосударственной власти к демократическому устройству полиса-государства. Менее очевидны *социально-экономические*, ноуменальные процессы. Рассмотрим этот пункт подробнее.

При Писистрате реформы Солона формально не были отброшены, в том числе в части устройства центральной власти. Фактически же рядом с её органами и над ними стоял Писистрат, властные полномочия которого не были ни предусмотрены, ни ограничены, но которые явно свидетельствовали о его стремлении походить на басилеев (правителя небольшого поселения, обладавшего военной, жреческой и судебной властью) эпохи "военной демократии". Поддержка народного собрания была ему обеспечена, т.к. большинство в нём составляли крестьяне-диакирии. Следовательно, все должностные лица избирались из его сторонников (Сергеев, 1963. С. 144, 182). Что это означало? *Во-первых*, именно такой характер центральной (верховой) власти соответствовал воззрениям диакириев и большинства крестьян, и не только в силу ностальгии по "золотому веку" Кроноса. В своём большинстве крестьяне являлись акторами КИ эндоприсвоения многих военно-демократических протоинститутов, в том числе периодического передела земли. С их точки зрения эвпатриды в погоне за барышами предавали заветы предков и законы родового братства, а потому заслуживали возмездия. Именно поэтому массовые репрессии Писистрата против эвпатридов были поддержаны крестьянством, тем более, что в результате конфискации и перераспределения земель, а также введения централизованного кредита и налоговых льгот многие феты смогли восстановить и/или расширить земельные участки как объекты своего Кл(С)Ч экзоприсвоения. То, что острие репрессий было направлено прежде всего против личных врагов тирана, и он как собственник рудников во Фракии заметно нарастил свой земельный "клин", оказалось на втором плане.

Между тем, и это *во-вторых*, последнее обстоятельство имело принципиальное значение. Во властно-собственническом своем наряду с резким ростом значимости *личного* компонента становится ощутимым влияние компонента *частного*. Легитимные предпосылки трансформации ЛПКлКрК своего в *лично-персональное кланово-корпоративно-частное коллективное (ЛПКлКрЧК)* возникли после принятия закона о завещаниях, который открыл "шлюзы" для перелива части объектов ЛПКлКрК экзоприсвоения в Кл(С)Ч. Казалось бы, эти "шлюзы" были закрыты Писистратом, изгнавшим многих эвпатридов – членов ВГ и акторов власти-собственности. Однако это не так. С одной стороны, сам Писистрат как актор Кл(С)Чэ экзоприсвоения рудников и земли не

преминул использовать своё исключительное положение во ВГ для умножения объектов своей кланово-семейной частноэксплуаторской собственности. С другой стороны, подобным образом разрешалось действовать и его приближённым. Вне зависимости от масштабов перелива объектов, прежде всего земли и доходов, *изначально* их властно-собственническое экзоприсвоение выступало в качестве предпосылки, промежуточного этапа, способа Кл(С)Чэ экзоприсвоения. *Частный* компонент включается в сеть власти-собственности как своеобразный агент Кл(С)Чэ своения. Именно своения, ибо речь идёт о присвоении и СЧСопр, и СЧСоч, прежде всего институтов⁸.

В-третьих, нельзя недооценивать некоторые изменения в КИ своении и соответствующем *коллективном* компоненте власти-собственности. По всей видимости, расширение состава объектов КИ эндоприсвоения (например, введение всенародных Дионисий – одно из основных празднеств в Древней Греции в честь бога Диониса) и экзоприсвоения (строительство храмов и других общественных зданий и сооружений) было бы невозможно без возрастания роли коллективного компонента в ЛПКлКрЧК своении ВГ-ы, в том числе за счёт вхождения в её состав представителей демоса. Но такое вхождение означало и относительное усиление позиций *корпоративного* компонента власти-собственности.

В-четвёртых, важным следствием указанных сдвигов явилось относительное укрепление позиций *наёмного труда* на фоне экспансии классического рабства. Речь идёт прежде всего о наёмных работниках рождающегося государства – фетах-моряхах и городских бедняках, занятых в строительстве общественных зданий и сооружений. Кроме того, выросло число ремесленных мастерских, в которых наряду с рабами трудились и безземельные крестьяне (Сергеев, 1963. С. 182). С одной стороны, наёмный труд утверждается в качестве важной сферы самореализации безземельных полноправных. Экзоприсвоение земельного участка (клера) перестаёт быть исключительным условием участия в народном собрании. С

⁸ Трансформация ККл(С)Ч своения в Кл(С)Ч и ассимиляция властно-собственническим своением частного компонента является чуть ли не самой ранней предтечей столь распространенного в современных условиях феномена частного присвоения тех объектов, которые не соответствуют ему по материально-вещественному содержанию (например, знания, информация).

другой стороны, обостряется противоречие между личной собственностью безземельного полноправного на его рабочую силу и Кл(С)Чэ присвоением средств производства. Классическая эксплуатация рабов дополняется массовой эксплуатацией наёмных работников – и неполноправных, и полноправных, причём их эксплуататорами становятся и неполноправные ремесленники и торговцы.

В этих условиях задача сохранения властных "командных высот" в руках крупнейших эксплуататоров усложняется: чтобы "достойно противостоять" эксплуатируемым, в том числе полноправным, прежних протоинституциональных и военнo-демократических средств уже недостаточно. Поэтому вполне понятным является формирование постоянного наёмного войска и усиление полицейского корпуса. Если же учесть и введение тираном общего подоходного налога, а также развитие проксении (института международного права), исополитии (равное голосование и право быть избранным) и символы (рекомендательные письма послам) (Сергеев, 1963. С. 269–270) – ранних форм межполисных правовых взаимосвязей, то образ полиса-государства становится более зримым. "Беременный" государством государствоформирующий полис испытывает "родовые схватки".

Рождение демократического полисного государства

С позиций стейтогенеза (особого рода политогенез, развитие которого ведет именно к государству) рождение полиса-государства в основном завершается именно реформами Клизфена⁹. Введение *территориальной системы* административного деления означало разобщение членов родовых союзов, фратрий (совокупность нескольких родов, составляющих племя) и фил (родовое объединение, община) (*История Европы...* 1988. С. 249), низведение старых фил до простых культовых объединений. Права гражданства начинают определяться принадлежностью не к роду, а к тому или иному дему (народу, населению). Именно дем во главе с выборным демархом становится базовой хозяйственной, культовой, административной и политической единицей (Сергеев, 1963. С. 185). Имеющиеся исторические данные не позволяют судить

⁹ Клизфен, 570 г. до н.э. – 507 г. до н.э. – афинский политический деятель, провёл ряд важных реформ, подорвавших влияние родовой знати и утвердивших в Афинах демократический строй.

достоверно об отношениях своего в рамках дема, а также об объектах и характере своего самого дема. Ясно одно – род теряет всякие легальные, собственно институциональные распорядительные права по отношению к земле, а её Кл(С)Ч экзоприисвоение достигает невиданного ранее уровня эмансипации. Наделение правами гражданства многих метеков и вольноотпущенников (Сергеев, 1963. С. 185) разрывает традиционную связь между политическими правами и собственностью на землю – *частная собственность* вырывается из-под политического подчинения земле как одному из ключевых объектов присвоения и начинает формировать предпосылки своего *господства над всеми объектами*.

Правда, меры по дальнейшей демократизации полиса – принятие экклесией обязательных для всех законов, расширение представительства в совете пятисот и суде присяжных рядовых (бедных) граждан (*История Европы...* 1988. С. 249), – означали рост относительной значимости, *во-первых*, КИ присвоения не только собственно институтов, но и соответствующих объектов (например, неделимых земель); *во-вторых*, коллективного и корпоративного компонентов власти-собственности. Следовательно, реформы Клисфена легимитизировали и катализировали трансформацию ЛПКлКрЧК властно-собственнического присвоения ВГГФП в *лично-персонально-частное корпоративно-кланово-коллективное (ЛПЧКрКлК)* присвоение. Видимо, последнее вместе с КИ присвоением представляет содержание родившейся *государственной* формы присвоения¹⁰, а ВГГФП становится *властной государственной группой (ВГосГр)*.

Вызванные внешними и внутренними причинами греко-персидская (490–449 гг.) и Пелопоннесская (431–405 гг.) войны катализировали противоречивые процессы товаризации и натурализации крестьянских хозяйств, своего и чуждения, прото- и собственно институционализации, демократизации и олигархизации, укрепления и ослабления полисов-государств, региональной централизации и децентрализации. В Афинах до времён Перикла¹¹ вклю-

¹⁰ Впрочем, это положение нуждается в более основательном осмыслении.

¹¹ Перикл (др.-греч. Περικλῆς, от πέρ + κλέος, — "окружённый славой"; примерно 494/493—429 годы до н. э.) — афинский государственный деятель, один из "отцов-основателей" афинской демократии, знаменитый оратор и полководец.

чительно доминировали развитие товарного производства и рынка, демократизация и собственно институционализация, укрепление государства и амбиции лидерства в греческом мире. Это позволило Афинам стать модератором гетерархических и синархических связей между полисами, становления и укрепления Делосской симмахии (военно-политический союз, заключавшийся между полисами), а затем – Афинской архэ (государства), или Афинского морского союза (объединение северных греческих государств).

Исторический опыт свидетельствует, что в подавляющем большинстве случаев политические режимы воюющих стран дрейфуют от демократии к авторитаризму и тоталитаризму. В Афинах же рассматриваемого периода, напротив, доминирует демократизация. В 462 году могущественный ареопаг превращается в простой суд по разбору уголовных преступлений, а его функции переходят к народному собранию. С 457–456 годов представители не только высших, но и низших имущественных классов получили право избираться архонтом (Сергеев, 1963. С. 233, 238). При Перикле народное собрание перебирает на себя практически все функции коллегии архонтов; все граждане пользуются полной свободой слова и законодательной инициативы, фактически упраздняется имущественный ценз, так что любой гражданин получает право избираться на любую должность (кроме казначея). Чтобы бедняки могли воспользоваться этим правом, вводится оплата труда судей, из казны оплачиваются также моряки-феты (Сергеев, 1963. С. 244–247; *История Европы...*, 1988. С. 288–289). Таким образом чётче обозначаются три ветви государственной власти – законодательная (народное собрание), исполнительная (совет пятисот, коллегии архонтов и стратегов (военачальников, полководцев)), судебная (суд присяжных) – как предтечи развитых современных, более зрелыми становятся собственно институты создания и трансформации институтов, государство дрейфует от *преимущественно обособленной* и замкнутой организации аристократов, обслуживающей их интересы, к статусу *представителя всего общества*, образованного последним для реализации общественных интересов и согласования интересов разных социальных кластеров. По общему признанию, именно с реформами Перикла в Афинах завершается формирование демократического строя в его классической форме (*История Европы...*, 1988. С. 289; Сергеев, 1963. С. 243). Тем более интересной представляется его социаль-

но-экономическая и институциональная "анатомия", в которой скрыты движущие силы последующих событий. Надеемся обратиться к этой проблематике в последующих статьях.

Литература

1. Илюшечкин В. П. (1990). Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах (Опыт системно-структурного исследования). Москва: Наука. 436 с.
2. История Европы (1988). Т. 1. Древняя Европа. Москва: Наука. 704 с.
3. Сергеев В. С. (1963). История Древней Греции. Москва: Изд-во восточной литературы. 531 с.

Поступление в редакцию 18 января 2022 г.

Прорецензировано 28 января 2022 г.

Подписано к печати 11 апреля 2022 г.

References

1. Ilyushechkin, V. P. (1990). Exploitation and property in estate-class societies (Experience of systemic and structural research). Moscow: Science [in Russian].
2. Ancient Europe (1988). In *History of Europe*, vol. 1. Moscow: Science [in Russian].
3. Sergeev, V. S. (1963). History of ancient Greece. Moscow: Publishing House of Oriental Literature [in Russian].

Received January 18, 2022

Reviewed January 28, 2022

Signed for printing April 11, 2022